

ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА СУЛЕЙМАНОВА

аспирант Центра гуманитарных проблем Баренц-региона,
Кольский научный центр РАН (г. Апатиты)
sul-olesya@yandex.ru

БАГАЖ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
(к вопросу о жизни вещей в культуре)

В статье рассматривается отношение к вещам на материалах текстов о переезде. Материалом для исследования послужили интервью с переселенцами, а также мемуарная и региональная литература. Истории переезда помогают выявить значения вещей и их роль в процессе адаптации переселенцев в разные исторические периоды.

Ключевые слова: миграция, вещи, багаж, адаптация, ценность

ПРОБЛЕМАТИКА И МАТЕРИАЛ

В настоящее время абсолютное большинство населения Кольского Севера составляют переселенцы, их дети и внуки. В 1920–30-е годы новоселы прибывали на эту территорию чаще в силу непреодолимых обстоятельств (прежде всего спецпереселений). В послевоенные годы и вплоть до конца 1980-х годов сюда ехали добровольно, что не исключает вынуждающих факторов, но предполагает личный выбор. В конце XX века в регион стали прибывать вынужденные этнические мигранты из стран бывшего СССР. Различным аспектам миграционных процессов на Кольском Севере посвящены работы А. А. Киселева, В. В. Доброда, И. А. Разумовой, Е. И. Михайлова, О. В. Змеевой и др. [5], [6], [2], [10], [9], [3], [4].

Нас интересуют историко-культурные аспекты переселений, связанные с миграционным поведением и практикой переезда конкретных людей и семей в конкретных обстоятельствах, позволяющие осмысливать исторический опыт миграций в многообразии его форм. Малоизученными остаются, в частности, вопросы о предметно-материальной стороне переезда. Мы обратились к биографическому опыту тех, кто в советский и постсоветский периоды переселялся на Кольский полуостров. Материалом послужили интервью с жителями городов Мурманской области. Это тексты семейно-биографических и автобиографических интервью. Из числа опрошенных были как прибывшие на Кольский Север из других областей России, так и из стран бывшего СССР (Таджикистана, Украины, Узбекистана, Казахстана, Грузии). Нarrативные и полуформализованные интервью о переезде на Север были собраны в 2005 году Э. А. Зверевой и в 2009–2011 годах нами, всего 150. Временные рамки полученного «миграционного текста» (обоснование понятия см. в [10]) включают период с 1930-х годов до настоящего времени. Кроме того, мы обращались к мемуарной и региональной краеведческой литературе, если она содержала сведения по данной теме.

СБОР БАГАЖА

По историям переезда можно выделить несколько основных сюжетных линий, связанных с вещами, которые люди не хотели или не могли перевозить. Такие вещи дарили друзьям и знакомым, продавали, выбрасывали. Если в критических ситуациях не было возможности заниматься продажей, то вещи, чтобы не достались мародерам, чаще всего прятали (закапывали). Такое поведение в отношении вещей было характерно для вынужденных переселенцев. В результате принудительных переселений с марта 1930 по январь 1935 года на Кольский полуостров прибыли тысячи людей с Украины, Белоруссии, Карелии, из Саратовской, Калининской, Челябинской, Астраханской, Куйбышевской, Ленинградской областей. Прибывали они эшелонами, имея при себе наскоро собранные пожитки [7; 57–58]. Спецпереселенцам разрешалось взять с собой самое необходимое из одежды и продукты в дорогу. Ценное старались спрятать: «...тайком, чтобы не отобрали, удалось спрятать в тряпье головку от ножной швейной машины “Зингер”. Стол с приводом и чугунной станиной завернули во что-то и закопали в сарае с глаз долой, чтобы не хватались жадные до чужого, увидев станок без головки» [14; 18–19].

В первую очередь с собой брали вещи, которые могли бы помочь выжить в экстремальных условиях Крайнего Севера: теплую одежду, обувь. В мемуарах спецпереселенцев неоднократно упоминается о том, что забирали с собой швейную машинку (или головку от швейной машинки). На вывоз требовалось специальное разрешение: «...только швейную машинку разрешили взять с собой» [13; 18]; «Вещей никаких родителям не дали взять, кроме чего на себе и смены белья, одеял, сшитых из лоскутков, и простую швейную машинку» [8; 231]. В предвоенные и военные годы это был бытовой предмет самой высокой ценности. Наличие его в доме говорило о достатке и благополучии семьи.

Утрата части вещей при переезде, как правило, не просто констатируется информантами, но

выражается эмоционально. Даже если вещи были относительно выгодно проданы за деньги, обмен не воспринимается как эквивалентный. Отказ от нажитых вещей в большей или меньшей степени переживается как потеря – материальная и духовная. Особенно тяжело переживают потерю те переселенцы, которым пришлось в экстренном порядке бросать все имущество.

В случаях и вынужденного, и добровольного переезда поведение в отношении вещей варьирует. Одни пытаются спасти вещи, ценные в материальном плане, другие – имеющие только символическую ценность. Показателен рассказ одной из информантов о своей матери-беженке, которая пострадала в результате грузино-абхазского конфликта: «Она с собой привезла два тяжеленных утюга, старые боты, в которых она считала, что ей будет удобно ходить. <...> Она привезла именно альбом вот сам толстенный такой... С открытками, которые мы, когда были маленькие, я и мой брат, собирали. <...> Но в доме еще, например, от прабабушки... оставались какие-то вещи. Например, были серебряные рюмки Фаберже! Это она оставила!»* (Информант 1, далее – И.). Налицо различия в отношении к вещам, связанные с семейными ролями и принадлежностью к поколению. Ретроспективно оценивая поведение матери, дочь исходит из «здравого смысла», который основывается на экономической и общекультурной ценности вещей. Этот смысл противоречит поведению матери, отбравшей в ситуации эмоционального напряжения: 1) то, что удобно в пути, 2) что в свое время и с ее точки зрения представлялось очень важным предметом быта, 3) что составляет для большинства матерей первостепенную символическую ценность.

Две группы факторов влияют на сбор багажа: объективные (обстоятельства переезда) и субъективные (индивидуальные установки). В случае экстренного переселения основное значение имеют внешние факторы. Однако и здесь важна роль личностных решений. Даже при ограниченном времени и выборе приходится определяться с тем, что считать «минимумом» вещей. Наряду с возрастом, материальным положением, составом переезжающих это еще и мотивы переселения, установка на временное или постоянное проживание на территории прибытия, представления о жизни на новом месте и др.

На сбор вещей влияет возраст переезжающих. Представители молодежи, как правило, почти ничего с собой не берут, кроме техники и лично значимых вещей. Молодежь, по собственным и сторонним оценкам, «стремится к минимализму», «легко расстается с вещами», «ориентируется на моду», «не держится за вещи». Вместе с тем абсолютное большинство добровольных переселенцев независимо от возраста и индивидуального отношения к вещам стремились со-

хранить при себе предметы, которые относили к семейным реликвиям. В особенности это касается фотографий и семейных альбомов. Это само собой разумеющийся факт, который многие подтверждали лишь в ответ на уточняющий вопрос («конечно», «а как же», «в первую очередь», «обязательно»).

Стереотип, что старшее поколение бережнее относится к вещам, чем молодое, далеко не всегда оправдывается. Информант перевезла с родины предков старый диван, поскольку ее мать захотела его выбросить. Родственники информанта воспринимали диван как устаревший предмет мебели, а для нее он имел смысл исключительно как память об отчим доме, семье, дедушке: «Мне жалко было, что этот диван перестанет существовать» (И. 2). Информант настойчиво подчеркивала, что диван перевозился не из каких-то практических соображений, что он старый, потерявший свой вид и т. д.

ТРАНСПОРТИРОВКА ВЕЩЕЙ

Добровольные переселенцы использовали разные тактики транспортировки вещей. Одни перевозили все сразу, другие постепенно. Если на территории выезда оставался доступный для периодических возвращений родной (родительский) дом, перемещение вещей из него может продолжаться в течение всей жизни мигрантов. Если возвращение невозможно, есть лишь один шанс для того, чтобы собрать багаж. Варианты второго сценария различаются исходной ситуацией: 1) семья уезжает в полном составе, навсегда, далеко и продает дом; 2) один или несколько членов семьи переселяются вследствие острого семейного конфликта, не рассчитывая на его разрешение в будущем; 3) семья покидает родные места именно потому, что дом и имущество утрачены; 4) эмиграция по политическим или этническим мотивам без надежды на возвращение и др. (при расширении текстовой базы список значительно увеличится).

У переселенцев, которые переезжали («сбегали») из деревни в экономически неблагоприятные годы, легкость багажа могла быть связана с материальной нуждой. Багаж уменьшался в процессе транспортировки: «Когда в Кандалакшу приехали, у нас уже ничего не было, у меня были валенки, мне еще покупали в то время, я говорила, что не дам я валенки продать, а потом думаю, что, ну ладно, детей надо ведь было кормить, и пошли мы, и продали валенки за буханку хлеба» (И. 3).

Одиночки в основном ехали налегке, только с личными вещами: «Ну и приехали – с одним чемоданом и подушкой с одеялом. <...> Сначала, как и все, думали, что приехали на пару лет, да так и остались» (И. 4).

Естественно, что в разные периоды и комплект необходимых личных вещей, и представле-

ния о самом необходимом различны. Современные молодые информанты утверждают, что, переезжая, обязательно возьмут с собой ноутбук и мобильный телефон: «То, что помогает быть на связи и хранит информацию» (И. 5). Они же заявляют, что в экстремальной ситуации бросятся спасать именно эти вещи.

Транзит вещей находится в прямой зависимости от транспортных возможностей и способа переезда. То и другое определяется наряду с типом миграции (спецпереселенцев вывозили за казенный счет) особенностями мест выезда и прибытия (отдаленная деревня, город с транспортным узлом или без него и пр.), расстоянием, состоянием транспортных путей и инфраструктурой, материальными возможностями переселенцев, наконец, традицией. В беседах с информантами возникла тема, связанная с использованием контейнеров – самой распространенной формы транспортировки крупного багажа. Выяснилось, что к этому способу люди относятся противоречиво. С одной стороны, доставка «от подъезда до подъезда» избавляет от многих хлопот. С другой стороны, у переселенцев есть негативные примеры и связанные с ними стереотипы. Многие исходят из опыта знакомых, которые рассказывали, что вещи, перевозившиеся в контейнере, превратились в груду разбитого мусора. Особый случай – переезд из другой страны. Невозможность привезти вещи мигранты в ряде случаев объясняли тем, что было трудно доставить их через несколько государственных границ: «Нет. Ничего не забирали. Это накладно везти все, контейнер заказывать. Проще было здесь все купить. <...> И все равно довести что-либо не получилось бы. Все было бы разбито» (И. 6). Транспортировка контейнером требует от самого заказчика услуги некоторых знаний (как и любая другая транспортировка). Они касаются того, какие вещи можно перевозить этим способом, а какие нет, как упаковывать определенные предметы, в каком порядке устанавливать их в контейнере и пр.

Если контейнер является самой распространенной формой транспортировки крупного багажа, то чемодан представляет емкость, в которую помещается минимум вещей. Можно сказать, что объем вместилища для багажа является мерой «вещного» поведения. Объем вещей, с которым переезжает индивид (три контейнера или всего один чемодан), характеризует его отношение к вещам, семейный статус, материальное благосостояние.

Решение оставить вещи из-за неудобств транспортировки для большинства советских и российских граждан, особенно заставших эпоху дефицита, – большая роскошь. Переноска тяжестей была в высшей степени привычна для них – почти без различия пола и возраста. Вместе с тем утверждения информантов о том, что по приезде

на Север «проще было все купить», свидетельствуют о стереотипе Севера как территории вне зоны материального неблагополучия и дефицита, который утвердился достаточно быстро и в известной мере подтверждался на практике.

ВЕЩИ НА НОВОМ МЕСТЕ

Адаптация на новом месте происходит постепенно и связана с социальными, экономическими, природно-климатическими особенностями территории. В этой связи важна роль вещей. Так, наличие ценных в материальном отношении вещей дает переселенцам основание чувствовать себя более или менее экономически защищенными, а наличие теплой одежды позволяет достичь физического комфорта в условиях Крайнего Севера.

Везли люди вещи или нет, по мере адаптации, увеличения семьи они обрастили новыми вещами. Предметы приобретались по степени необходимости: сначала самое нужное (кровать, стол, холодильник), а затем все остальное (для уюта, эстетики). Молодежь легче адаптируется на новом месте. Она лабильнее и менее привязана к вещам, чем к увлечениям: «Это было очень смешно! <...> Был матрас, и он стоял на кирпичах вместо ножек. А первое, что мы купили, – это был магнитофон» (И. 1).

Конечно, представители молодежи различаются. Одна из информантов перевезла с собой практически все свои вещи из родительского дома, включая безделушки, несмотря на то что переезжала из Узбекистана и транспортировка вещей была проблемой: «Я даже оттуда все свои тетради с первого класса привезла. <...> Все равно это как-то часть моей жизни было. И не нужно уже, а с другой стороны смотришь, думаешь, все равно, все равно память есть память» (И. 7). В подобных случаях вещи воспринимаются как неотъемлемая часть себя, своей биографии и жизни в родительском доме. Для успешной адаптации надо, чтобы «свое» было при себе. Фактически при переезде выделяется собственная «доля» из совокупности семейных вещей. Ритуальную параллель представляет перераспределение «доли» в обрядах жизненного цикла человека с целью стабилизации кризисной ситуации, обеспечения благополучного перехода [1], [12].

Люди среднего и пожилого возраста тем более воспринимают вещи как часть своей биографии. Наживание имущества – это важная линия прожитой жизни: как зарабатывалось, как доставалось и т. п.

Перемена места жительства заставляла расстаться с прежними привычками в отношении вещей: «Я до переезда сюда никогда шапок не носил. Вообще не знал, что такое носить шапку» (И. 6). Некоторые переселенцы не имели ясного представления о северном климате и попадали впросак. «Мы приехали, и тут очень рано выпал снег. У меня были босоножки, я ходила в босо-

ножках. Даже холодно не было, но я стеснялась» (И. 8). Чем южнее регион выезда, тем большее значение для переселенцев имели климатические различия, тем более экзотичным оказывался Север. Очевидно, поэтому в рассказах существует мотив несоответствия взятых с собой предметов одежды и обуви условиям жизни на территории прибытия.

Особый случай – переезд из «инонациональных» регионов представителей этнических культур. Некоторые из них выборочно привезли с собой национальные вещи. Посуда для приготовления пищи относится к предметам первой необходимости, и ее использование на новом месте можно считать элементом бытовой адаптации: «Мы привезли с собой казан и мантушницу. <...> Потом узнали, что и здесь можно было их приобрести, но ведь отец боялся, что мы здесь ку-

пить не сможем» (И. 6). Этническим мигрантам нередко приходится полностью отказаться от национальной одежды. Одни не смогли привезти ее в силу обстоятельств; другим жалко было ее носить, так как предмет в одном экземпляре; кому-то стыдно (обычно молодым): «...здесь не поймут, если я буду одевать эту тюбетейку. <...> Память. Буду детям, внукам показывать. Пусть знают, что у них отец мусульманин» (И. 6). Таким образом, национальные вещи могут переходить в разряд хранимых экспонатов.

Часть вещей, оставаясь в старой (прошлой) жизни, либо предается забвению, более не существует, либо приобретает новое бытие. Оно может быть как виртуальным – в памяти или в ином, оставленном, пространстве, так и реальным – с новыми значениями и статусом реликвии, дополнительным или единственным.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Все цитируемые материалы находятся в секторе исторической и социальной антропологии ЦГП КНЦ РАН (биографический фонд – на этапе систематизации), а также в личных архивах И. А. Разумовой и О. А. Сулеймановой.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

1. Женщина, 1945 г. р., высшее образование, уроженка г. Владивостока, с 1971 года проживает в г. Апатиты.
2. Женщина, 1964 г. р., высшее образование, уроженка г. Петрозаводска, с 1966 года проживает в г. Апатиты.
3. Женщина, 1947 г. р., уроженка Вологодской области, с 1963 года проживает в Мурманской области.
4. Женщина, 1962 г. р., уроженка г. Ржева Тверской области, проживает в г. Снежногорске.
5. Женщина, 1986 г. р., высшее образование, уроженка г. Петрозаводска, с 1987 года проживает в г. Апатиты.
6. Мужчина, 1977 г. р., среднее профессиональное образование, уроженец г. Душанбе (Таджикистан), с 2003 года проживает в г. Апатиты.
7. Женщина, 1985 г. р., высшее образование, уроженка г. Бикобад (Узбекистан), с 2003 года проживает в г. Апатиты.
8. Женщина, 1931 г. р., высшее образование, уроженка г. Семипалатинска (Казахстан), с 1955 года проживает в г. Кировске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dobre.ru/book/baburin/baybug.htm>
2. Добров В. В. Население Кольского Севера. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1967. 72 с.
3. Змеева О. В. Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: Сб. ст. / Под ред. П. В. Федорова, Ю. П. Бардилевой, Е. И. Михайлова. Мурманск: МГПУ, 2005. С. 50–54.
4. Измоденова Н. Н. Стратегии миграционного поведения населения Мурманской области // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / Под ред. В. П. Петрова, И. А. Разумовой. Апатиты, 2008. С. 60–68.
5. Киселев А. А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1974. 512 с.
6. Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.
7. Куруч О. Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибиногорска (1930–1932) (по фондовым материалам Историко-краеведческого музея с мемориалом С. М. Кирова) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 7-й Межвуз. науч. конф. ПетроЖГУ, 2009. С. 57–60.
8. Куруч О. Е. Санитарно-бытовые условия жизни строителей г. Хибиногорска в 1930–1931 гг. по фондовым материалам Историко-краеведческого музея с мемориалом С. М. Кирова // VI Ушаковские чтения: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2010. С. 231–234.
9. Михайлов Е. И. Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: Дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2004.
10. Разумова И. А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 5–21.
11. Разумова И. А. «Север» – категория времени // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова: Сб. ст. / Под ред. В. П. Петрова, И. А. Разумовой. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 5–14.
12. Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М., 1990. С. 54–63.
13. Спецпереселенцы в Хибинах / Хибинское общество «Мемориал». Апатиты, 1997. 222 с.
14. Тимофеев В. Г. История одной семьи: Повесть. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2004. 170 с.